

Выходить ежедневно утром.

Цена отдельного номера:
в Латвии: 10 сантим.
(5 лата р.)

СЕГГОДНЯ

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

39 строку петита или велик. экс. работа — в Латвии		
в гекате	Lat 1.20 (50 р. латв.)	
прода трудя	" — .14 (7 " ")	} + 5% гор. налога
спросъ "	" — .30 (15 " ")	
фирмы и уверол. учр. "	" — .34 (17 " ")	
поводи текста	" — .30 (15 " ")	

Редакция, главная контора и экспедиция:
РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.

Телефонъ редакци 199, гл. конторы 39-90.
Отделение конторы: Рига, Известковая 16, гол. 3-24.

Приемъ по дѣламъ редакци отъ 5 до 7 час. вечера.
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 5 час. вечера.
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата въ мѣсяцъ:
в Латви . . . . . Lat 4.00 (125 руб.)
За границей . . . . . " 3.70 (115 ")
" . . . . . " 73 амер. цента.

Почтовый ящикъ № 85.
Текущие отчеты:
въ почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ . . . . . № 115.
въ банкѣ Латви . . . . . № 534.
въ Рижскомъ для внѣшней торг. банкѣ № 22.

Чеховъ въ „Ревизорѣ“.

80 лѣтъ тому назадъ російскій министръ финансовъ, графъ Канкринъ смотрѣлъ первое представленіе «Ревизора» на императорской Александринской сценѣ. Онъ побѣхалъ въ театръ, какъ и всѣ его коллеги по кабинету министровъ, по личному приказанію Николая Павловича. Царь, не согласившись съ доводами цензуры, приказалъ играть «Ревизора», почувствовавъ благонамѣрен. тенденцію автора. Вѣдь, недаромъ, же разрѣшителемъ всей трагикомедіи, разыгравшейся въ глухомъ городишкѣ, въ связи съ исторіей о мнимомъ ревизорѣ, былъ поставленъ Гоголемъ... жандармъ, посланный по «высочайшему повелѣнію». Жандармъ, какъ символъ самодержавнаго правосудія, — это ли не выраженіе благонамѣренности, это ли не мотивъ, вскрывающій сокровеннѣйшее содержаніе «просвѣщеннаго абсолютизма», о которомъ мечталъ Николай? Но министры, посланные на «Ревизоръ», ничего не поняли: графъ Канкринъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Стоило ли смотрѣть эту глущую фарсу».

Прошло 80 лѣтъ, а «глущая фарса» нетлѣнно живетъ на русской сценѣ. Только иной раскрылся въ ней смыслъ, только охранительная благонамѣренность Гоголя приобрѣла значеніе подлинно-революціонной сатиры. И нѣтъ въ русскомъ репертуарѣ пьесы, болѣе дѣйственной, не только въ смыслѣ сценической динамики, а и въ смыслѣ общественаго своего значенія, какъ «Ревизоръ».

Художественный театръ ставитъ теперь «Ревизоръ» въ Москвѣ въ формѣ почти фарса, сознательно сгущая образы дѣйствующихъ лицъ до очертаній гротеска.

«Ревизоръ» имѣлъ въ Художественномъ театрѣ нѣсколько режиссерскихъ редакцій. И каждое возобновленіе приближало постановку къ теперешней ея формѣ. Это было уже явственно ощутимо три года назадъ, когда «Ревизоръ» былъ поставленъ съ участіемъ въ роли Хлестакова

Чехова. Но тогда спектакль имѣлъ успѣхъ главнымъ образомъ благодаря именно Чехову. Теперь онъ цѣликомъ совпадаетъ съ подходомъ Чехова къ Хлестакову. Всѣ персонажи комедіи трактуются въ той же сгущенности, почти гротескнаго изображенія, въ какой игралъ раньше одинъ Чеховъ.

Цѣлый рядъ исполнителей, по отзыву Ю. Соболева въ «Пржекторѣ», стоитъ на очень большой высотѣ. Москвинъ — городничій, нѣсколько вяловатый въ завязкѣ комедіи, но постепенно достигающій очень большой выразительности — въ особенности въ монологѣ послѣдняго акта; Тархановъ, вышедшій чудесныя томическія интонаціи для Хлопова; Азаринъ, дающій совершенно новый образъ Воблинекаго. Но все же самое замѣчательное въ планѣ актерскаго исполненія — спектакля — это по прежнему М. А. Чеховъ-Хлестаковъ.

Быть можетъ, въ первый разъ за всѣ тѣ восемь десятилѣтій, которая насчитываетъ сценическая исторія «Ревизора», на русской сценѣ явленъ — наконецъ-то — тотъ Хлестаковъ, о которомъ писалъ самъ Гоголь.

Хлестаковъ, какъ образецъ «хлестаковщины», Хлестаковъ, какъ нѣкій чудовищный гротескъ. Но символическое его прилобленіе — оно все-таки всѣми корнями своими питается реальной почвой — потому и будучи гротескомъ, какъ бы невозможностью, — оно все-таки подлинно и все-таки возможно.

И именно въ этомъ планѣ играетъ его Чеховъ, вышедшій такія яркія, такія неожиданныя краски. Три года назадъ Чеховъ игралъ Хлестакова съ мистико-патологической окраской. Теперь это исчезло. Теперь на сценѣ торжествующая, яркая, здоровая талантливость актера, создающаго сценической убѣдительный образъ, насыщенный содержаніемъ подлиннаго реализма.